Слёзы Турана -20: Нарцисс

Category: Kitapcy,Taryhy proza
написано kitapcy | 24 января, 2025
Слёзы Турана -20: Нарцисс НАРЦИСС

— Вах, ты говоришь, что он промахнулся! — глаза эмира Кумача зловеще загорелись и округлились. — Сам видел?
— Разукрашенным топором я отрубал голову верблюду. Вот этими руками…
— О, как велика щедрость неба!
— И твоего сердца тоже. Знай же, любимец народа, тебя все уважают, а зависть визиря вызывает презрение. Море его черных замыслов бушует, его бесит предрасположение султана ко мне. Но я приехал, чтобы найти у тебя поддержку.
— Будь мужчиною, — ответил Кумач. — Кровь смывается кровью. Иди!
Когда Каймаз вышел из беседки, самодовольный Кумач сбросил парчовый халат и с наслаждением вытянул свое крепкое, статное тело. Из сада ветерок донес сладостный аромат цветущих роз и какие-то заманчивые шорохи. Аллах знает, почему, вспомнилось Кумачу в эту минуту услышанное от купцов: «Балх считают обителью счастья, источником радости на земле. Через него идут дороги в Индию, Китай». — Кумач отпил из ритона глоток вина. Припомнилось изречение из книги: «У жителей Балха благородство мыслей, усердие в исполнении обязанностей…»
Эмир потянулся, почесал за ухом ручного, избалованного барса, и поправил на животе ковровый пояс. Широкая, вымощенная квадратным кирпичом аллея привела его в любимую беседку. Отсюда был виден весь дворец, его высокие, крепкие стены. Внизу лежал город.
Неожиданно барс зарычал, натягивая серебряную цепочку. Из тени сросшихся кустов жасмина вышел садовник. В руках у него ярко горел большой букет любимых цветов эмира — нарциссы. Лепестки, обрызганные ключевой водой, радужно играли жемчужинками росы. Эмир жадно вдыхал пьянящий аромат цветов и думал… Он думал о том, чего никогда не доверял другим. А чтобы садовник не

проник в тайну его замыслов, Кумач сказал:
— Хотелось бы услышать и узнать что-нибудь редкое, интересное о цветах, принадлежащих нашему дворцу.
Садовник оторвал голову от ковра и задумался.
— Осмелюсь сказать, что цветы принадлежат только… земле и солнцу. И красоте мира. А еще я слышал от деда… Осмелюсь рассказать, мой повелитель. Эту историю дед мой слышал от своего прадеда. Говорят, жил на земле ру-мийцев когда-то красивый юноша.
Эмир встал и долго смотрел на мечеть. В заунывном голосе старика было что-то от его настроения — раздумчивое, немножко тяжелое, требующее душевного излияния.
— Однажды, — продолжал старик, — этот юноша увидел свое отражение в воде и влюбился в себя. И с тех пор бедняга стал сохнуть. Долго страдал и умер от любви к себе. А когда пришла весна, гурии посадили на его могиле цветок, который назвали именем юноши — нарциссом.
Кумач резко повернулся, подошел к садовнику и, подняв его сильными руками с ковра, пристально посмотрел в глаза: они были честными и бесстрашными.
— Я дарю тебе эти цветы. Уходи.
Кумач, оставшись один, вдруг подумал вслух:
— Так вот почему ты не попал в связанного верблюда, султан Санджар! — эмир с силой надавил ногой на розовый лепесток, не заметив, как рука сжала ухо присмиревшего барса. От боли зверь рванулся, взвизгнул и замер. Кумач посмотрел на пятнистое, сильное тело, вздрогнув, увидел в маленьких зеленых глазах хищника смерть. Стоило только отпустить зверя, и барс отомстил бы! Рука Кумача стала нежно чесать за ушами, и шерсть на длинной шее барса потихоньку улеглась. Обманутый зверь ласково вильнул хвостом и улегся у ног хозяина. Это было хорошим предзнаменованием.
— Значит, пора!.. Зверь у моих ног. Цветок самовлюбленности. — Эмир Кумач зло улыбнулся и заскрипел зубами.
Широким бодрым шагом, говорившим о том, что эмир принял окончательное решение, Кумач прошел открытые террасы, украшенные сирийскими мастерами, миновал малый зал дворца, где

художник-китаец разрисовывал потолок яркими цветами, а когда оказался в своих отдаленных покоях, громко хлопнул в ладоши. В двери показался горбун.
— Зови! — повелительно кивнул эмир.
В комнату, звеня оружием, вошел воин. Он почтительно остановился у дверей и наклонил голову. Его правая рука висела на широкой черной повязке:
— Клянусь, что буду говорить правду: еще месяц назад огузы должны были сдать на кухню султана семь тысяч овец. Я говорил об этом бекам. И вот результат: принимая от огузов овец, сборщики вели себя грубо, подло… Боюсь вымолвить — убит твой сын, достойнейший!
Пышные усы эмира дрогнули. Он судорожно выпрямился, сжал кулаки и страшно побледнел.
— Что слышат мои уши? — воскликнул Кумач.
— Посланцы огузов прибыли сюда и ждут приема у великого султана По всему видно — они будут жаловаться на тебя, высочайший.
— Поздно! Уже поздно. Когда правят государством люди, пришедшие к власти не с мечом, а с мелкой душонкой, то потом у них от большой тяжести подгибаются ноги. Великий Рим пал из-за того, что жители его… привыкли долго спать. И даже когда у ворот был враг, римляне поднялись поздно, как это привыкли делать много десятков лет подряд.
— Если верить фирману, то ваша милость урезала их земли, — продолжал мамлюк.
— История показывает, что даже могучее государство Искандера-двурогого развалилось, как только он умер; и все с облегчением поняли, что после ухода властителя им не грозит страх смерти. Страх!.. И я построю свое государство на страхе… Это крепкая узда.
— В фирмане, — как бы не слушая, продолжал воин, — также сказано, что огузы хотят подарить султану 50 тысяч верблюдов, лошадей, 200 тысяч рукнийских динаров и 20 тысяч голов тюркских овец.
Кумач низко опустил голову, как это делают борцы на базаре, и заложил руки за спину.

— Поздно меня задаривать… Они уже совершили главную ошибку, убив сына своего будущего султана. Судить их теперь буду я, эмир Кумач!.. Государство Санджара покрылось толстым слоем жира. А когда в государстве не пахнет потом воинов, оно погибает.
— Внимательно слушай, мой верный Онгон! Воин вытянулся и низко поклонился.
— Мерв отяжелел от золота и шелков. Ему приятнее ласкать телеса нагих девушек, а не рукоятки мечей и копий. За последние годы султан терпит много обид и оскорблений. Он богат, у него есть большое и надежное войско. Пока еще низко склоняются головы при его появлении, — Кумач быстро ходил по комнате. — И это потому, что воины его познали жизнь вельмож. Люди, надеясь на золото, забыли, что в наш век надо хорошо владеть оружием. И если оружие полководца не попадает в цель, а такой полководец все еще считается непобедимым, то его надо сменить. — Кумач помолчал. — Я спрашиваю: все к этому готово?
Воин встал и в знак молчаливого согласия протянул руку к огню.
— Так дадим же нерушимую клятву, мой верный Онгон! Клятву нашей крови.
— Но могу ли верить, что после вашей победы я заткну глотку Чепни и стану первым среди своих?
— Следуй всегда и всюду за мной. Крылья счастья, обласкают твое сердце.
Молча и торжественно они надрезали большие пальцы и выдавили по несколько капель крови в серебряный сосуд. Кровь смешали клинком и посыпали сверху пеплом волос…
А утром, когда от реки доносилась еще прохлада, в воротах дворца показался хорошо вооруженный отряд, во главе которого ехал эмир Кумач. Он задумчиво смотрел вдаль. Невысокая крепкая лошадь, низко приседая на задние ноги, старательно выбрасывала вперед легкие копыта. Выехав в степь, Кумач осторожно нащупал за широким ковровым поясом растоптанные лепестки нарцисса. Легкая неуверенность, как рябь по воде, пробежала по лицу закаленного вояки. Эмир придержал лошадь, огляделся по сторонам. Потом ласково потрепал по шее жеребца и пустил его галопом. Taryhy proza